

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 250-257. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.250
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Organization of the Spiritual Life of the Muslim population of the Yenisei Province in the Context of State-Confessional Policy of the second half of the XIX – early XX centuries

Petr K. Dashkovskiy^{a, *}, Elena A. Shershneva^a

^aAltay State University, Russian Federation

Abstract

The article on the basis of studying of archival materials and the regulatory framework addresses issues of organization of spiritual life of the Muslim community of the Yenisei province in the second half of XIX – beginning of XX century. The Muslim population, representing a significant percentage of the population of the Russian Empire, could not stay away from state control. Even during the reign of Catherine II, the Orenburg Mohammedan spiritual assembly was created in order to control the Muslim population of the country by the state. Being a public authority, funding it as the content of the parish was fully attributed to the parish community. These measures did not contribute to the development of Muslim parishes, and especially the creation of new ones. Material difficulties arising in the life of Muslim communities required the introduction of new rules and norms for the functioning of the community. In the XIX century the question was raised about the introduction of vakuf property and its legalization in the Russian legislation. However, this issue was never resolved, which also hampered the development of Muslim parishes in the Yenisei province. A special category of Muslims living in the Yenisei province were prisoners who, despite the "Normative project" adopted in 1860, experienced restrictions on the part of the state in the implementation of religious rights. Often the restrictive measures imposed were purely subjective. As a result, despite some attempts by the state to demonstrate a loyal attitude towards the Muslim clergy, the country's population professing Islam, up to the beginning of the 20th century experienced restrictions on religious rights.

Keywords: Russian empire, Muslim communities, Muslims, Wakuf, state-confessional policy, Yenisei province.

1. Введение

С началом правления Екатерины II власти стали обращать особое внимание на выстраивание государственно-конфессиональных отношений с представителями не православных вероисповеданий, в т.ч. последователями ислама. Благодаря ряду принятых законодательных норм, ислам в этот период в России получает статус официальной конфессии. При этом с целью установления контроля над мусульманским населением империи, которое являлось достаточно многочисленным (Арапов, 2004: 3), создается Оренбургское магометанское духовное собрание. Главной задачей правительства на протяжении всего периода существования мусульманских подданных Российской империи было установление контроля за духовной жизнью мусульман (Малашенко, 1998: 26). Начиная с XIX в., государство шагнуло на новый этап отношений с мусульманским населением страны. В этот период в обществе появляется идея ликвидации Оренбургского магометанского духовного собрания как государственного органа (Тихонов, 2008: 174). Идеи реформирования мусульманских общин исходили не только со стороны государства, но и предлагались мусульманским духовенством. В 1867 г. муфтием С.Г. Тевкелевым был предложен проект реформирования мусульманской общины, согласно которому она должна была стать

* Corresponding author

E-mail addresses: i.sidorchuk@spbu.ru (I.V. Sidorchuk)

самодостаточной как в плане управления, так и со стороны распоряжения финансовыми средствами (Мухетдинов, Хабутдинов, 2011). Несмотря на все попытки со стороны исламского духовенства и общественности расширить свои права во второй половине XIX – начале XX вв., тем не менее, на конфессиональную деятельность мусульманской части населения Российской империи по-прежнему накладывался ряд серьезных ограничений. Государство продолжало вмешиваться как в духовные дела религиозной общины, так и контролировать экономическое устройство уммы.

2. Материалы и методы

Объективную оценку государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманского населения Российской империи позволяют дать архивные материалы, а также правовые акты, принимаемые государством в данный исторический период. Архивные материалы, использованные в данной статье, представлены циркулярными распоряжениями, рапортами, а также жалобами и обращениями самих мусульман в губернские органы и Оренбургское магометанское духовное собрание. В статье использовались материалы, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края. Работа построена на методологических принципах историзма и объективности, позволяющих оценить роль Оренбургского магометанского духовного собрания в организации не только духовной, но и экономической жизни мусульманской общины. Применение авторами проблемно-хронологического и ретроспективного методов позволяет рассмотреть организацию духовной жизни мусульманской общины на территории Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

В последние годы в отечественной историографии начинает уделяться пристальное внимание положению отдельных конфессий в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (Тихонов, 2008; Арапов, 2004; Морозов, 2017). Важное значение имеет изучение учеными правового положения мусульманских общин, что позволяет оценить их место и роль в системе государственно-конфессиональных отношений Российской империи (Тихонов, 2008; Кулиев, 2015; Загидуллин, 2007). Серьезное значение авторы уделяют исследованию проблемы экономического положения мусульманской уммы страны (Усманова, 2017; Маликов, 2011). В рамках изучения экономической составляющей жизни мусульманской общины особое внимание также уделяется организации вакуфа в Российской империи (Азаматов, 2000; Миннуллин, 2007). Кроме того, рядом авторов рассматривается проблема положения осужденных мусульман, отбывавших тюремное наказание, что также позволяет сделать дополнительные выводы о правовом положении последователей данной религии (Хоменко, 2016; Ярков, 2018).

В то же время следует подчеркнуть, что наименее изученными остаются вопросы, связанные с региональной историей ислама в системе государственно-конфессиональных отношений Российской империи. Несмотря на появление работ по истории и правовому положению мусульманских общин в конкретных регионах, в том числе и Сибири (Бобкова, 2009; Касьянов, Петров, 2017; Ярков, 2018), своеобразным «белым пятном» в науке оказалось изучение положения мусульман в Южной Сибири, в частности в Енисейской губернии в имперский период. Проблема организации духовной жизни мусульманского населения Енисейской губернии не получила должного освящения в историографии. В этой связи встречаются лишь отдельные работы, которые частично затрагивают некоторые аспекты развития религиозной жизни населения изучаемого региона (Хоменко, 2016). Выявленные в Государственном архиве Красноярского края документы, а также правовые документы Российской империи позволят наиболее детально представить положение мусульман, проживавших на территории Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв., а также оценить их роль в составе российской уммы.

4. Результаты

Особое внимание со стороны правительства уделялось организации и финансированию мусульманских приходов. Задачей мусульманской общины в духовно-административном плане было решение проблем, связанных с устройством жизни, образованием детей и т.д. (Загидуллин, 2007: 189; Загидуллин, 2007: 189). Каждая мусульманская община имела собственную казну, которая управлялась попечителями. Данная система самофинансирования была направлена на содержание духовных лиц при мечети, учебных заведений при ней, а также благоустройство самого культового здания (Бобкова, 2009: 130-131).

В Российской империи всегда очень остро стоял вопрос материального содержания духовных лиц мусульманского вероисповедания. Во второй половине XIX в. Эта проблема так и не была до конца решена, поэтому материальное содержание от государства получало лишь высшее духовенство (Усманова, 2017: 365). Однако это несколько не улучшало положения и самого Оренбургского магометанского духовного собрания. Несмотря на то, что данный орган был создан государством с целью контроля за жизнью мусульман, тем не менее, содержание его ложилось на плечи самой общины. Даже здание Оренбургского магометанского духовного собрания, несмотря на то, что оно

создавалось как государственный орган, было построено на средства прихожан, собранные от введенного в 1828 г. сбора за метрические книги. Примечательно, что, несмотря на введение здания в эксплуатацию в 1865 г., данный сбор, тем не менее, продолжали взимать. Собранные средства стали перераспределяться на содержание здания Оренбургского магометанского духовного собрания, лиц, состоящих на службе в данном органе, а также на помощь особенно нуждающимся священнослужителям. Начиная с 1888 г., все пожертвования и сборы должны были вноситься в метрические книги (Азаматов, 2000: 9, 12). Испытывая постоянную нехватку средств, Оренбургское магометанское духовное собрание постоянно находилось в переписке с губернскими органами и полицейским управлением по сбору средств и распространению метрических книг, которые являлись основным доходом (Усманова, 2017: 366).

В обязанности каждого правоверного мусульманина входило ежегодное пожертвование в виде десятой части хлеба, а также подношения в виде денег и натуральных продуктов во время мусульманских праздников. Однако данное правило выполнялось не всеми, а сам доход мечети был крайне скудным (Морозов, 2017: 25; История татар..., 2013: 416). Еще одним источником доходов мусульманских приходов мог стать вакуф. Однако правительство так и не регламентировало его положение в законодательной форме. Вакуфные акты появляются в Российской империи лишь в 1880-е гг., но официального признания они не получают, так как не были легализованы в государстве. В 1893 г. Министерством внутренних дел было официально запрещено Оренбургскому магометанскому духовному собранию фиксировать акты передачи имущества мусульманами в пользу мечетей и медресе. Термин «вакуф» также был запрещен для использования в обороте российских мусульман (Миннуллин, 2007: 117). Сибирским чиновникам данное слово оказалось вообще не знакомо, поэтому они в документах указывали, что такого вида собственности в мусульманских общинах на данной территории никогда не было (Бобкова, 2009: 143). Однако, согласно архивным сведениям, можно выявить случаи пожертвований мусульман в пользу общины. В 1891 г. Оренбургским магометанским духовным собранием было получено для рассмотрения от Енисейского губернского правления духовное завещание от 1888 г. Оно было составлено на основании ст. 1091–1093 X т. части 1 Свода законов Российской империи (Свод законов Российской империи, 1857: 219–220). Крестьянином мусульманского вероисповедания, согласно оставленному завещанию, жертвовалось 4000 рублей на строительство соборной мечети в г. Енисейске. При рассмотрении данного завещания Оренбургским магометанским духовным собранием было принято решение об уведомлении родственников умершего в необходимости передачи завещанных средств государству для постройки мечети. Однако вдова отказалась отдавать деньги, на что имам г. Енисейска в 1892 г. подал рапорт в Оренбургское магометанское духовное собрание. В нем имам указал, что 4000 рублей в завещании определено на постройку мечети, а 100 рублей ему на поездку для поклонения в Мекку. В результате данного обращения Оренбургским магометанским духовным собранием было указано, что никаких особых распоряжений об управлении делами вакуфа оно не имеет, а завещание исполняется либо душеприказчиком, либо родственниками. При отказе исполнения завещания следует обращаться в суд (ГАКК. Ф. 595. Оп. 14. Д. 11148. Л. 1-4 об.). По результатам проведенного расследования стало известно, что умерший оставил после себя два дома: один стоимостью 300 рублей, а второй – 1800 рублей, что не позволяло его родственникам выполнить условия завещания (ГАКК. Ф. 595. Оп. 14. Д. 11148. Л. 20-20 об.).

Следует отметить, что Оренбургское магометанское духовное собрание испытывало некоторые затруднения при разборе дел о пожертвовании мечетям или религиозным общинам каких-либо средств или материальных благ на их развитие. Связано это было с отсутствием четкого регламента по контролю за вакуфным имуществом, а также нехваткой средств для ведения расследования о недобросовестности душеприказчиков (Азаматов, 2000: 12-13). В 1912 г. муфтий Султанов указывал в письме Департаменту духовных дел иностранных вероисповеданий, что при решении вопросов наследования и пожертвований Оренбургское магометанское духовное собрание вынуждено полагаться на здравый смысл, т.к. никакого закона о вакуфах не имело (Азаматов, 2000: 23).

Согласно Уставу духовных дел иностранных исповеданий, мусульманское духовенство занималось ведением метрических книг, регламентацией отношений между супругами, а также отношениями между детьми и родителями. Особое внимание уделялось также исковым требованиям по завещаниям (Бобкова, 2009: 144). Нехватка материального содержания мусульманских приходов ставила под сомнение их существование. При этом следует отметить, что Оренбургское магометанское духовное собрание при открытии новых приходов зачастую выполняло функцию государственных чиновников, препятствуя их созданию. В 1886 г. собранием было направлено прошение в Енисейское губернское правление о предоставлении сведений о количестве душ мужского пола, которые требовались высшему духовному органу с целью определения необходимого количества мечетей в губернии. При этом не учитывалось расселение мусульман на достаточно обширной территории указанной губернии (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 1624. Л. 1-1 об.).

Следует подчеркнуть, что проблема нехватки мечетей и лиц духовного звания, исполняющих необходимые требы, очень остро стояла в Енисейской губернии. К тому же многие мусульманские общины не имели необходимого количества средств даже для оплаты приглашенного муллы.

В 1887 г. в Енисейское губернское правление поступил рапорт от Преображенского приходского муллы Ахмерова. В котором указывалось, что мусульмане Назаровской, Балактинской и Ужурской волостей обратились к нему с просьбой исполнить обряды мусульманской религии, но средств на его доставку в данные волости они не имели. В связи с тем, что приход данного муллы был очень бедным и не располагал необходимыми средствами, он обратился в Губернское правление с просьбой предоставить ему лошадей для поездки по волостям. Однако рапорт со стороны управления так и не был удовлетворен, а мулле рекомендовали обзавестись подводами (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 3060. Л. 1-2 об.). Аналогичная ситуация произошла и с енисейским имамом, который обращался в 1894 г. с просьбой выделить ему прогонных денег для поездки в города Каинск, Красноярск и Минусинск, где проживали в общей сложности 150 мусульман для исполнения треб. Однако енисейское губернское правление было вынуждено имаму отказать в выделении средств, поскольку они не были заложены в бюджет (ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4930. Л. 1-2).

Важно обратить внимание на то, что мусульманское духовенство являлось не просто сословием. К мулле население обращалось по любым вопросам. Он являлся хранителем культуры и быта народа, исповедующего мусульманскую традицию. Круг обязанностей муллы был достаточно широк, поскольку не ограничивался только ведением метрических книг и исполнением религиозных треб. Мусульманское духовенство являлось также проводником между государством и населением. Именно в обязанности священнослужителя входило знакомство своей паствы с указами императора. Такой широкий круг обязанностей должен был и награждаться соответствующим образом. Однако доход муллы полностью зависел от финансового благополучия его прихода (Маликов, 2011: 134).

Перевод приходского духовенства на полное содержание общины был связан с потребностью содержания государством Оренбургского магометанского духовного собрания. Во второй половине XIX – начале XX вв. мусульманские приходы столкнулись с проблемой не только содержания приходского муллы и культового здания, но и с тем, что часть получаемых пожертвований шла на содержание самого духовного управления мусульман (Кулиев, 2015: 19).

В сентябре 1916 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий разослал всем губернаторам, градоначальникам и начальникам областей циркулярное предписание, согласно которому с целью решения проблемы дефицита в бюджете Оренбургского магометанского духовного собрания и предоставления ему возможности располагать необходимыми ресурсами для производства расходов на неотложные текущие надобности, собранные налоговые суммы от приходов предписывалось высылать раз в полгода. Данный циркуляр следовало разослать уездным исправникам и Красноярскому полицмейстеру с целью немедленного сбора и отправки средств от брачного сбора (ГАКК. Ф. 595. Оп. 6. Д. 311. Л. 15-16).

Следует отметить, что для материального обеспечения духовенства мусульманского вероисповедания, а также увеличения штата мулл в 1881 г. был увеличен сбор за регистрацию браков. При этом духовенство выполняло не только обязанности, связанные с духовным отправлением культов, но и несло административную службу по регистрации браков, рождаемости и смертности населения (Касьянов, Петров, 2017: 34; Усманова, 2017: 358). Вопрос об увеличении сбора за браки был еще раз поднят 15 апреля 1888 г. Согласно принятому распоряжению, Енисейскому губернскому правлению предписывалось оповестить мусульманские приходы об увеличении суммы налога за браки с 15 до 25 копеек. Кроме того, мусульманским священнослужителям предписывалось заносить в метрические книги все сделанные пожертвования с указанием их размеров (ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1622. Л. 5-5 об.).

Нужно обратить внимание на то, что Оренбургское магометанское собрание в большей степени было органом, проводившим именно государственную конфессиональную политику. В этой связи вполне понятно, что данный орган не оказывал какого-либо серьезного содействия в открытии мечетей для мусульманской части населения империи. Губернские власти всячески стремились препятствовать усилению роли духовных институтов в жизни общины в регионах. В 1893 г. доверенный крестьян Енисейской губернии обратился в городскую управу с просьбой выдать ему копии со списка всех домохозяев мусульман, проживающих в городе Енисейске. Однако прошение его было отклонено, т.к. выдача подобных списков частным лицам считалась обременительной для городского управления. В отказе также указывалось, что крестьянин не предоставил доверенности и не уточнил, какого рода списки ему требуются. В губернии в тот период имелось два вида списков: посемейные и списки с оценочных книг, свидетельствующие о количестве владельцев недвижимого имущества (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4439. Л. 1-2 об.). В связи с отклонением его просьбы в получении списков крестьянин М. Абдюкаев, являющийся доверенным мусульманского общества г. Енисейска, обратился к енисейскому губернатору. В прошении им указывалось, что изначально он обращался в Оренбургское магометанское духовное собрание с ходатайством об удалении приходского имама Тазетдинова и об определении на его место другого муллы. Однако духовное собрание оставило его обращение без внимания, т.к. за него проголосовало менее 2/3 старших домохозяев на основании данных, которые были поданы в это учреждение имамом Тазетдиновым. В связи с этим доверенный М. Абдюкаев и обратился в Енисейское городское управление с просьбой выдать ему списки домохозяев, но получил отказ, так как представлял собой только частное лицо. По итогам

рассмотрения прошения просителю было отказано в выдаче любой информации (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4439. Л. 3-4, 7-7 об.).

Особое внимание следует уделить организации духовной жизни ссыльных мусульман. Основная масса татарского ссыльного населения Енисейской губернии представляла собой уголовную ссылку, что усложняло ее положение в губернии и неоднократно приводило к столкновениям со старожилами (Хоменко, 2016: 113). Не мог данный факт не сказываться и на организации духовной жизни этой части населения Енисейской губернии. В 1874 г. енисейскому губернатору было подано прошение мусульман, содержащихся в тюремном заключении. В нем арестанты Красноярского тюремного замка просили разрешить отворять им камеры во время поста, омовения и молитвы с целью обеспечения соблюдения ими религиозных обрядов. Данное прошение, по мнению енисейского губернского прокурора, не могло быть удовлетворено, поскольку отворение камер потребовало бы неуместного и наиболее бдительного наблюдения надзирателей (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 12. Л. 1). Губернатором данная просьба была также отклонена в связи с отсутствием законных оснований для этого. Сообщить решение губернской власти было поручено смотрителю Красноярского тюремного замка (ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 12. Л. 4).

Важно подчеркнуть, что некоторые ограничения, налагаемые на мусульман-арестантов, не имели для них какого-то серьезного значения с точки зрения воспитательного воздействия. Более того, отдельные действия тюремной администрации были порой излишне жесткими в отношении арестантов, исповедующих ислам. Так, например, 2 сентября 1894 г. в Енисейское губернское правление было направлено отношение оренбургского муфтия с приложенным к нему прошением арестанта Канского тюремного замка, жалующегося на изъятие тюремной администрацией у арестантов мусульманского вероисповедания тубетеек. Губернское управление уточняло, что данный вопрос оно решить не может, так как это решение было принято в соответствии с циркулярным распоряжением енисейского губернатора и приказом начальника главного тюремного управления. В результате никакого ответа по данному вопросу арестанту, исповедующему ислам, так и не было направлено (ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 5847. Л. 1-2).

В то же время следует отметить, что отношение к заключенным мусульманского вероисповедания было неоднозначным. С увеличением их численности во второй половине XIX в. в ряде тюрем стали устраиваться молитвенные комнаты (мечети) и привлекаться муллы для богослужения. Задачей муллы, который получал при этом жалованье от Министерства юстиции, был контроль за арестантами мусульманского вероисповедания и воздействие на них через нравственное увещание (Ярков, 2018: 16). Но, несмотря на принимаемые меры, соблюдение религиозных обрядов заключенными мусульманского вероисповедания было в целом весьма затруднительно. Даже после принятого в 1860 г. «Нормативного проекта», моленная комната для мусульман могла располагаться только в свободной камере (Загидулин, 2007а).

В 1878 г. циркулярным распоряжением Министерства внутренних дел было закреплено, что духовные лица любого вероисповедания, вызываемые в присутственные места, должны получать командировочные средства из фонда данного учреждения. Необходимое финансирование выдавалось на проезд, съем квартиры, а также суточное содержание духовного лица. Предоставлялись послабления со стороны государства и самим арестантам. Так, с 1854 г. в период исламских праздников заключенные мусульманского вероисповедания получали по три выходных дня (История татар..., 2013: 483-484).

5. Заключение

Таким образом, мусульманское население Российской империи, получив официально определенный правовой статус еще в правление Екатерины II, испытывало ряд затруднений в организации духовной жизни даже во второй половине XIX – начале XX вв. Оренбургское магометанское духовное собрание, созданное как государственный орган с целью контроля за жизнью мусульман, потребовало от мусульманской общины дополнительных затрат на свое содержание. Особенно обременительным это оказалось для небольших приходов, которые находились на территории Енисейской губернии. Не располагая достаточным количеством финансов для содержания собственного муллы, общины были вынуждены перечислять дополнительные средства на содержание чиновников Оренбургского магометанского духовного собрания. Мусульманские общины Енисейской губернии испытывали притеснения не только со стороны государственных чиновников, но и со стороны самого мусульманского духовного управления. Заботясь о своем финансовом благосостоянии, духовные чиновники нередко препятствовали созданию новых приходов, аргументируя это нехваткой прихожан. Но при этом не учитывалось расселение мусульман по значительной территории Енисейской губернии. Отдельной категорией мусульман, проживающих в Енисейской губернии, были заключенные. Однако ни со стороны государства, ни со стороны духовных властей не было уделено достаточного внимания организации духовной жизни данной категории граждан. Находясь в тюрьмах, мусульмане Енисейской губернии испытывали потребность в исполнении духовных обрядов и ведении духовной жизни. Однако данная потребность в рассматриваемый период также не была удовлетворена в полном объеме.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70010 по теме «Социокультурная адаптация православных и не православных общин в Южной и Западной Сибири в контексте модернизационных процессов в России в имперский и советский периоды».

Литература

- Азаматов, 2000** – Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX веков. Уфа, 2000. 102 с.
- Арапов, 2004** – Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004. 288 с.
- Бобкова, 2009** – Бобкова Г.И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2009. 219 с.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Загидуллин, 2007a** – Загидуллин И.К. Исламский ритуал в российских тюрьмах (конец XVIII – начало XX вв.) // *Рамазановские чтения*. Нижний Новгород, 2007а. № 2. С. 108-110 [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/2/jail.htm (дата обращения: 15.06.2019).
- Загидуллин, 2007b** – Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Казань, 2007. 416 с.
- История татар..., 2013** – История татар с древнейших времен. Том VI: Формирование татарской нации в XIX – начале XX вв. Казань, 2013. 1172 с.
- Касьянов, Петров, 2017** – Касьянов В.В., Петров В.И. Православное и исламское духовенство Южного Урала и среднего Поволжья во второй половине XIX века // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Том 9. № 4/2. С. 31-39.
- Кулиев, 2015** – Кулиев Ф.М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. // *Известия СОИГСИ*. 2015. № 15 (54). С. 14-24.
- Малашенко, 1998** – Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. 222 с.
- Маликов, 2011** – Маликов Р.И. Материальное положение татарских мулл Казанской губернии конца XIX – начала XX вв. // *Вестник ТГГПУ*. 2011. № 4. С. 133-137.
- Миннуллин, 2007** – Миннуллин З.С. Институт вакуфа у татар-мусульман в исторической ретроспективе // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2007. Том 149. Кн. 4. С. 114-121.
- Морозов, 2017** – Морозов Н.М. Поликонфессиональная среда Кузнецкого края в пореформенный период // *Вестник КемГУКИ*. 2017. № 40. С. 21-26.
- Мухетдинов, Хабутдинов, 2011** – Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479> (дата обращения: 15.06.2019).
- Свод законов Российской империи, 1857** – Свод законов Российской империи. Том десятый. Часть I. СПб., 1857. 604 с.
- Тихонов, 2008** – Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв. СПб., 2008. 352 с.
- Усманова, 2017** – Усманова Д.М. Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и обществом (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // *Мусульмане в новейшей имперской истории*. М., 2017. С. 339-389.
- Хоменко, 2016** – Хоменко Д.Ю. Социальный и этнический состав преступников Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // *Вестник ТГПУ*. 2016. № 5 (170). С. 112-116.
- Ярков, 2018** – Ярков А.П. Мусульмане в истории Тобольской тюрьмы // *Мусульманский мир*. 2018. № 3. С. 15-18.

References

- Azamatov, 2000** – Azamatov D.D. (2000). Iz istorii musul'manskoj blagotvoritel'nosti. Vakufy na territorii Evropejskoj chasti Rossii i Sibiri v konce XIX – nachale XX veka. [From the history of Muslim charity. Waqfs in the European part of Russia and Siberia in the late XIX-early XX century]. Ufa. 102 p. [in Russian]
- Arapov, 2004** – Arapov D.YU. (2004). Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossijskoj imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.) [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII-early XX century.)] M. 288 p. [in Russian]
- Bobkova, 2009** – Bobkova G.I. (2009). Tatarskie obshchiny Irkutskoj gubernii (konec XIX – nachalo XX v.) [Tatar communities of Irkutsk province (late XIX – early XX century)]. Irkutsk. 219 p. [in Russian]
- ГАКК** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraya [State archive of Krasnoyarsk Krai].

Zagidulin, 2007a – *Zagidulin I.K.* (2007a). Islamskij ritual v rossijskih tyur'mah (konec XVIII – nachalo XX vv.) [Islamic ritual in Russian prisons (late XVIII-early XX centuries.)]. *Ramazanovskie chteniia*. Nizhnii Novgorod. Nr 2. pp. 108–110. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/2/jail.htm (data obrashcheniya: 15.06.2019). [in Russian]

Zagidullin, 2007b – *Zagidullin I.K.* (2007b). Islamskie instituty v Rossijskoj imperii. [Islamic institutions in the Russian Empire]. Kazan. 416 p. [in Russian]

Istoriya tatar..., 2013 – *Istoriya tatar s drevnejshih vremen*. Tom VI: Formirovanie tatarskoj nacii XIX – nachalo XX v. [History of Tatars from ancient times, 2013-History of Tatars from ancient times. Volume VI: Formation of the Tatar nation XIX-early XX century]. Kazan. 1172 p. [in Russian]

Kas'yanov, Petrov, 2017 – *Kas'yanov V.V., Petrov V.I.* (2017). Pravoslavnoe i islamskoe duhovenstvo Yuzhnogo Urala i srednego Povolzh'ya vo vtoroj polovine XIX veka [Orthodox and Islamic clergy of the southern Urals and the middle Volga region in the second half of the XIX century]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naiia mysl'*. T. 9. Nr 4/2. pp. 31-39. [in Russian]

Kuliev, 2015 – *Kuliev F.M.* (2015). Pravovoe regulirovanie deyatelnosti konfessij v Rossijskoj imperii v konce XVIII–nachale XX v. [Legal regulation of confessions in the Russian Empire in the late XVIII-early XX century]. *Izvestiya SOIGSI*. Nr 15(54). pp. 14-24. [in Russian]

Malashenko, 1998 – *Malashenko A.V.* (1998). Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoj Rossii [Islamic revival in modern Russia]. M. 222 p. [in Russian]

Malikov, 2011 – *Malikov R.I.* (2011). Material'noe polozhenie tatarskih mull Kazanskoj gubernii konca XIX – nachala XX vv. [Financial situation of Tatar mullahs of Kazan province of the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik TGGPU*. Nr 4. pp. 133–137. [in Russian]

Minnullin, 2007 – *Minnullin Z.S.* (2007). Institut vakufa u tatar-musul'man v istoricheskoj retrospektive [The institution of Waqf from the Tatars-Muslims in historical perspective]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 149. Kn. 4. pp. 114-121. [in Russian]

Morozov, 2017 – *Morozov N.M.* (2017). Polikonfessional'naya sreda Kuzneckogo kraja v poreformennyj period [Poly-confessional environment of the Kuznetsk region in the post-reform period]. *Vestnik KemGUKI*. Nr 40. pp. 21-26. [in Russian]

Muhetdinov, Habutdinov, 2011 – *Muhetdinov D.V., Habutdinov A.Yu.* (2011). Islam v Rossii v XVIII – nachale XXI v.: modernizaciya i tradicii [Islam in Russia in the XVIII-early XXI century: modernization and tradition]. Nizhnii Novgorod. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479> (data obrashcheniya: 15.06.2019). [in Russian]

Svod zakonov Rossijskoj imperii, 1857 – *Svod zakonov Rossijskoj imperii* [The laws of the Russian Empire]. SPb. Tom desiatyi. Chast' I. 604 p. [in Russian]

Tihonov, 2008 – *Tihonov A.K.* (2008). Katoliki, musul'mane i iudei Rossijskoj imperii v poslednej chetverti XVIII – nachale XX v. [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of the XVIII – early XX century]. SPb. 352 p. [in Russian]

Usmanova, 2017 – *Usmanova D.M.* (2017). Musul'manskije metriceskije knigi v Rossijskoj imperii: mezhdru zakonom, gosudarstvom i obshchestvom (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX v.) [Muslim metric books in the Russian Empire: between law, state and society (second half of XIX – first quarter of XX century)]. *Musul'mane v noveishei imperskoj istorii*. M. pp. 339-389. [in Russian]

Homenko, 2016 – *Homenko D.YU.* (2016). Social'nyj i etnicheskij sostav prestupnikov Enisejskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Social and ethnic composition of the criminals of the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX century]. *Vestnik TGPU*. Nr 5 (170). pp. 112-116. [in Russian]

Yarkov, 2018 – *Yarkov A.P.* (2018). Musul'mane v istorii Tobol'skoj tyur'my [Muslims in the history of Tobolsk prison]. *Musul'manskii mir*. Nr 3. pp. 15-18. [in Russian]

Организация духовной жизни мусульманского населения Енисейской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX вв.

Петр Константинович Дашковский ^{a, *}, Елена Александровна Шершнёва ^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе изучения архивных материалов и нормативно-правовой базы рассматриваются проблемы организации духовной жизни мусульманских общин Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Мусульмане, представлявшие значительный

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpn.asu.ru (П.К. Дашковский), D2703@yandex.ru (Е.А. Shershneva)

процент населения Российской империи, не могли оставаться в стороне от государственного контроля. Еще во времена правления Екатерины II создается Оренбургское магометанское духовное собрание с целью контроля со стороны государства за мусульманским населением страны. Несмотря на то, что оно являлось государственным органом, финансирование и содержание прихода полностью возлагалось на приходскую общину. Данные меры не способствовали развитию мусульманских приходов и тем более созданию новых. Материальные затруднения, возникающие в жизни мусульманских общин, требовали введения новых правил и норм функционирования общины. В XIX в. поднимался вопрос о введении вакуфного имущества и его легализации в Российском законодательстве. Однако данный вопрос так и не был решен, что также затрудняло развитие мусульманских приходов в Енисейской губернии. Особой категорией мусульман, проживающей в Енисейской губернии, были заключенные, которые, несмотря на принятый в 1860 г. «Нормативный проект», испытывали ограничения со стороны государства в реализации религиозных прав. Зачастую введенные ограничительные меры носили сугубо субъективный характер. В итоге, несмотря на отдельные попытки со стороны государства продемонстрировать лояльное отношение к мусульманскому духовенству, население страны, исповедующее ислам, вплоть до начала XX в. испытывало ограничения в религиозных правах.

Ключевые слова: Российская империя, мусульманские общины, мусульмане, вакуф, государственно-конфессиональная политика, Енисейская губерния.